

WARHAMMER
40,000

A SPACE MARINE BATTLES SHORT

KRAKEN

CHRIS WRAIGHT

Крис Райт

Он носил их имена на доспехах. Слова были высечены глубоко -- прощальный дар железного жреца, прежде чем он оставил Фенрис. Почти сантиметр глубиной, покрытые многолетним налетом, как и он сам.

Восемь имен -- четыре на правой части погнутого нагрудника, четыре на левой. Одно едва угадывалось, давным-давно стертое мощным вминающим ударом. Остальные либо потускнели, либо исчезли под следами ожогов, либо были иссечены царапинами.

Но он все равно помнил имена. Они являлись к нему во сне, нашептываемые знакомыми голосами. Он видел их лица, всплывающие из темного

кладезя памяти, плоть их покрывали татуировки, шрамы и штифты. Временами они злились, иногда -- были

печальны. Но всегда приходили с одной целью: заставить его двигаться дальше, заставить действовать.

Поэтому он никогда не отдыхал, никогда по-настоящему. Он относился с уважением к своему призванию и никогда не останавливался. Обеты были даны, и они связывали его крепче адамантовых оков. Один мир за другим, слившиеся в болото впечатлений -- одни холодные, другие горячие, все охвачены борьбой, все вносят крошечный вклад в войну галактических масштабов, давно ставшей безграничной.

До чего же легко здесь потерять чувство собственной значимости. До чего просто было бы, спустя двадцать лет поддаться тьме, которая таится в

глубине его глаз, и забыть лица. Он видел, как это случалось со смертными. Челюсти их отвисали, глаза тускнели, пусть даже они продолжали сжимать

оружие и идти на врага. А затем, с той неотвратимостью, с которой лег следует

за огнем, они утирали.

Вот почему имена были высечены на досках. Гравировка сотрется или повредится, но следы останутся навсегда, крошечные отражения того, что некогда было человеческими жизнями, такими же важными, как и его.

Пока оставались знаки, он не поддастся отчаянию. Он будет двигаться в поисках последнего испытания, которое восстановит его потерянную честь и успокоит шепоты во тьме.

Один мир за другим, слившиеся в болото впечатлений — одни холодные, другие горячие. Пока ни один из них не впечатлил его заткнутый разум, — их

войны пока не дали ему возможности достичь заветной цели.

Ни один, за исключением последнего.

Ни один из этих миров не произвел впечатления на Ай Квару до тех пор, пока, следуя за вихрем судьбы, он не оказался на Лизесе, и грубая красота

планеты тронула даже его старую,

холодную гущу.

...

Моррен Оен прищурился из-за от
утреннего света, зеленою сверкнувшего на
волнах. В пятидесяти метрах под ними
нисходящие струи воздуха от
четырех двигателей флаера вспенивали
воду.

Воды там вообще не должно было быть.
Там следовало плавать несколькими
тысячам тонн грязно-серой пластали,
именуемой «Мегера-Б», гудящей
жизнью и работающей техникой. Там
следовало быть огням, мерцающим на
слегка изогнутых волнорезах, которые
указывали бы флаеру место
посадки, и тихому скрипу
перерабатывающих водоросли устройств,
которые прокладывали путь по
бесконечному урожайному полю.

Вместо этого на изумрудной глади воды
колыхался лишь тонкий слой обломков. Оен
заметил, как мимо проплыл пластиковый
хopper, запутавшийся в

наушине. Пог поверхность
проглядывались мени, вероятно,
принадлежавшие опорам и плавающим
кранам, которые продолжали работать,
даже когда

основное строение затонуло.

- Император, - ругнулся он, разглядывая
картину в поиске хоть каких-то следов
сопротивления или выживших.

Четыре других флаера висели прямо над
водой, битком набитые солдатами,
вооруженными лазгангами. Они лишь без
толку тыкали стволами в

обломки. Что бы ни напало на «Мегеру-6»,
оно исчезло задолго до их появления.

Прейя Ейм перегнулась через борт
открытой кабины и сделала еще пару
шагов. Теплый бриз трепал ее
каштановые волосы, выбившиеся из-под
поднятого воротника формы.

- Может хватит? -- спросил Оен и,
отвернувшись, откинулся на вибрирующую
спинку металлического сиденья.

Ейм продолжила щелкать.

Информация, - сосредоточенно
отозвалась она. -- Может что-нибудь
попадется. Какая-то подсказка.

Он устало взглянул на нее. Еще такая
молодая. Веснушчатое лицо на солнце
выглядело цветущим, кожа казалась
почти прозрачной. Наверное, когда-
то он так же ревностно относился к
работе.

Впервые после поступления на службу, он
почувствовал себя слишком старым. Сорок
лет службы и постепенно карьерного роста
брали свое. Реюв

стоял недешево, а на нем было много
других обязательств, которые не давали
расслабиться. Он заметил, что уже
натетился второй подбородок, живот

выпирал над старым армейским поясом.
Глядя на Ейлу, он чувствовал себя только
хуже. Она напоминала ему о том, каким он
был когда-то, и о том, как
давно это было.

- Успокойся, - сказал он. -- Не думай, будто
найдешь здесь что-то, чего не нашли мы.

Он оглянулся, прикрывая глаза ладонью. Океан простирался до самого горизонта, темно-зеленый и спокойный. Над ним раскинулось блекло-розовое небо, согретое дутьем солнцами.

Оен привык к морским просторам. Вся поверхность Лизеса была сплошь покрыта торями, за исключением плавучих блоков, разбросанных по бесконечному океану, будто пылинки, дрейфующие на расстоянии в тысячи километров друг от друга.

И их уничтожали, один за другим. Эта мысль, стоило о ней вспомнить, довольно сильно тревожила его.

- Прокуратор, - раздался голос в наушнике.
- Слушаю, - ответил Оен, обрадовавшись хоть какому-то отвлечению. Какими бы ни были новости, они вряд ли смогут еще больше испортить ему настроение.

- На девятую сеть поступил комм-сигнал. В орбитальную закрытую зону входит корабль. Они проверили позывные, но

подумали, что лучше сообщить
вам.

- Как учтиво. А, собственно, зачем?

- Он не внутрисистемный и не из флота.
Они считают, что корабль может
принадлежать Агентус Астартес, но не
уверены в этом.

При упоминании магического созвучия
слов - «ас-тар-тес» - сердце Оена екнуло.
Он не знал, от страха или волнения.
Скорее всего, от обоих.

- Они не уверены? Тогда в чем они
уверены?

- Вам лучше вернуться в Никс,
прокуратор. Они не будут останавливать
его, и к моменту вашего возвращения
корабль будет уже на геостационарной.

- Хорошо. Пусть они ничего не
предпринимают до моего прибытия. Здесь
мы уже закончили.

Связь отключилась. К тому времени Ейт
закончила делать пикты и теперь
внимательно разглядывала обломки.

- Нет признаков взрывов, - пробормотала

она, наблюдая за плавающими обломками. -
- Как будто чья-то гигантская рука
просто... развалила его на
куски.

- Ты слышала? - сказал Оен, не обратив
внимания на ее слова. - Мы возвращаемся.
Если хочешь остаться, пересядь на другой
флаер.

Ейм посмотрела на него широко
раскрытыми глазами. В них читалось
удивительно детское отчаяние.

- Что делает это, прокуратор? Почему
ты не можешь остановить его?

- Думаешь, если бы я знал, то не
предпринял бы что-то более действенное
полетов? - улыбнулся он, пытаясь
успокоить ее, но понимая, что это ему
негва

ли удастся. - Слушай, на наш сигнал о
помощи ответили. Верь в милость, Ейм.
Возможно, сейчас на Никсе высаживается
целая рота костических

десантников, и, уж поверь мне, во всей
галактике Императора нет зрелища

более впечатляющего.

...

Он устало сидел в кресле в приятной, положив руки на единственный стол, источая запах лежалого мяса. Всклопоченная борода лежала на нагруднике

гигантских доспехов. В ней были видны седые пряди, из-за чего воин походил на старого больного человека.

« Они могут стареть? » -- подумал Оен, пока наблюдал за ним через одностороннее плексигласовое окно из прилегающего коридора. -- « Могут ли они

утереть от старости, если проживут достаточно долго? »

Из службы управления полетами приходили самые противоречивые сообщения о новоприбывшем. В одной передаче говорилось о том, что корабль без

предупреждения прорвался через верхнее оборонительное оцепление, тогда как в другой, поступившей от сервиторной

станции более низкого

приоритета, сообщалось лишь об
безупречных орбитальных маневрах.

Так или иначе, но он был здесь, а его
корабль, который приземлился на
площадке в пятистах метрах выше, не
походил ни на что из виденного Оеном

ранее — грязный, угловатый, покрытый
плазменными ожогами, украшенный
тяжелой бронзовой аквилой на покатом
носу. Судно казалось слишком

маленьким для внутрисистемных
полетов, поскольку его пассажир был явно
не с Лизеса.

Судя по внешнему виду корабля, его
команда полностью состояла из
сервиторов. Это были странные существа
с шипами и лязгающими

сервомеханизмами, с перламутрово-
бледной кожи которых свисали звериные
кости. Создания остались на борту
корабля, и когда пилот тяжело сошел

по рампе, Оен нисколько об этом не
пожалел. Не упоминая уже о том, что и

сам пилот выглядел не менее странным образом.

- Я думала, ты говорил... - начала Ейм, заморожено глядя в окно. Ее голос постепенно стих.

Оен знал, что она имела в виду.

- Мне говорили, что они бывают разные, - напряженно сказал он. -- Единственные пункты, которые я видел, дал мне вольный торговец, который вел

эскадру через Ультратар. На них они были... другие.

Ейм медленно кивнула, рассматривая огромную фигуру, сидящую за металлическим столом по ту сторону стекла.

Голова у него была выбрита. Узелковая татуировка начинала виться по обветренной коже за ухом, проходила по черепу и спускалась вниз, к глазам. На

на лице красовалось несколько разнящихся по форме металлических штифтов. Покрытые гравировками доспехи у него были бледно-серые, словно

грязный снег. Слова были не на обычном готике — угловатые и сжатые, покрыты вмятинами и рассечены шрамами, которые, судя по всему, оставили звериные когти.

Оен думал, что доспехи костического десантника должны быть чистые, начищенные и сверкающие, как на мультимедийных голоуизображениях, которые распространялись Управлением несения истины Эклезиархии. Он представлял себе бронзовые наплечники и ярко-кобальтовые нагрудники, сияющие в белом свете.

Но он не представлял неопрятности и грязи. И уж точно не представлял он бюджет источать такой запах.

- Закончили тарашиться?

Оен и Ейл подскочили от неожиданности. Новоприбывший говорил с сильным акцентом, словно низкий готик не был его родным языком, голос казался

приглушенным из-за разделяющей их стены. Он даже не поднял взгляд. Его

странные желтые глаза продолжали разглядывать стиснутые в кулаки руки.

Оен приготовился, бросил на Ейм ободряющий взгляд и, пройдя поворот, подошел к двери. Едва он вошел в комнату, новоприбывший взглянул на него.

- Прошу прощения, лорд, - сказал Оен и поклонился, прежде чем сесть напротив. -- Обычная наблюдательная процедура. Нужно быть осторожными.

Массивный новоприбывший взглянул на него с полнейшим безразличием. Он не улыбался. Казалось, его покрытое шрамами и татуировками лицо было неспособно на улыбку.

- Бесстыденно, - тихо произнес он. -- Если бы я хотел убить вас, вы бы уже были мертвы. Но раз уж начал, продолжай изучать.

Оен тяжело сглотнул. Голос новоприбывшего был необычайно глубокий, подчеркиваемый постоянным гортанным рычанием, из-за необычного

произношения он казался еще более

жүтким.

- У вас есть, э-э, звание? То, что я смог бы использовать для отчета?

- Звание?

- Титүл, лорд. Чтобы я смог...

Гигантская фигура откинулась назад, и Оен заметил, как металлический стул прогнулся под огромным весом.

- Я Костический Волк, прокуратор Моррен Оен, - произнес он. Пока воин говорил, Оен успел разглядеть мелькнувшие за кустистой бородой глинные

желтые клыки. -- Ты слыхал о нас?

Оен слабо покачал головой. Его сердце бешено колотилось. Что-то в сияющем перед ним человеке не позволяло Оену оставаться спокойным.

Не считая того, что воин был не человеком. Но крайней мере не таким человеком, как Оен.

- Хорошо, - отозвался новоприбывший. -- Возможно, это и к лучшему.

Он откашлялся, пытаясь сохранить хотя

б остатки профессионализма.

- А как вас зовут, лорд?

- Мое имя Квара.

Оен кивнул. Он понимал, что кивает слишком много, но ничего не мог с собой поделать.

- Я ожидал... что вас будет больше.

Слова прозвучали неоднозначно. Квара с любопытством посмотрел на прокуратора. Его глаза казались золотыми кругами. Звериные глаза, притаившиеся на торщине, усталом и изможденном лице.

- Вам не понадобится больше. Одного меня более чем достаточно.

Оен опять кивнул.

- Так и есть, - сказал он и оглянулся по сторонам, пытаясь придумать ответ поумнее.

Квара опять заговорил, устав от запинающихся вопросов Оена.

- Ваше сообщение было предельно понятным, - произнес он, подняв руку и отвлеченно стиснув пальцы в кулак. Оен

установился на него, замороженный

столь обыденным и простым жестом. -- За пять местных месяцев вы потеряли пять уборочных станций. Ни выживших, ни сведений. Ничего, кроме

обломков. В воде что-то водится. Зверь.

Рука Квары с глухим лязгом упала на стол.

- Я охотился на зверей прежде.

- Мы уже отрядили людей, - сказал Оен. -- Я надеялся, что...

- Что я к ним присоединюсь? -- Квара покачал головой. -- Нет. Отзови людей. Здесь, как и всегда, я работаю один.

Оен посмотрел в его золотые глаза, думая возразить. Возможно этот... Космический Волк не знает, насколько большой уборочный блок. То, что смогло

их уничтожить, должно быть действительно огромным, намного больше флаера, на котором он вернулся в Никс. Сторожевой отряд, который

патрулировал уже три месяца, состоял из девяти человек, и Оен подумывал

усилить его еще больше.

- Не уверен...

- Не уверен справлюсь ли я с тем, что нападает на твоих людей, - продолжил Квара. -- Не уверен, что нечто столь неопытное и ужасное не больше, чем на глупую смерть?).

Он подался вперед, и под тяжестью его локтей прогнулась металлическая столешница. Оен отшатнулся, почувствовав из его рта запах теплого мяса.

- Это не твое дело, Моррен Оен, - прошептал Квара, невозмутимо вслушиваясь в звучание собственных слов. -- Тебя это совершенно не касается.

Оен пытался не отвести взгляда от этих звериных глаз, но безуспешно. Он опустил глаза на заклепки в столе, стыдясь своей слабости.

- Мне нужен флаер, - усевшись обратно, сказал Квара. -- Самый быстрый. Тогда можете забыть обо мне и о своей проблеме.

Оен опять кивнул. Присутствие Квары

сильно изматывало. Он с радостью согласился бы на все, лишь бы только с ним больше не встречаться.

- Бюджет сделано, лорд, - произнес он, поняв, что встреча прошла совершенно не так, как он ожидал. -- Я сейчас же этим займусь.

...

Ейм сочувствующе посмотрела на Оена, когда тот вышел из комнаты. Она положила ему руку на плечо.

- Как все прошло?

Оен пожал плечами и слабо улыбнулся.

- Не так, как я думал, - сказал он, стряхнув ее руку и зашагав по коридору. Он шел быстро, стараясь поскорее убраться отсюда. -- Хотя я не знал, чего стоит ожидать.

Ейм поспешила за ним, встревоженно смотря на прокуратора.

- Сколько их прибыло?

- Только он.

- Ты шутишь.

- Нет.

Ейм фыркнұла.

- Я опять отправлю сообщение.

- Это может не понадобится.

- Конечно, понадобится, - нахмурилась

Ейм. -- Нам нужны люди. Где-то неподалеку должна быть Гвардия, они отправят целую роту, если будет угроза, что уровень десятины может снизиться.

Оен призадумался. Теперь, освободившись от пугающей ауры Костического Волка, он начал мыслить более ясно.

- Он не считал, что ему понадобится помощь.

- Это его проблемы. В смысле, ты ведь видел, как он выглядит?

- Вблизи, - злорадно отозвался Оен. -- Не лучшим образом.

Ейм раздраженно покачала головой.

- Один! -- фыркнұла она. -- Не думала, что они работают в одиночку. Я полагала, они действуют отделениями -- знаешь, как на твоих голо.

Оен пожал плечами.

- Я тоже, - ответил он. -- Возможно, они действуют по-разному. Он Костицкий Волк. Не слышала о таких?

Ейт покачала головой.

- Красивое название, - сказала она. -- Емү подходит.

- Осторожнее, - опасливо оглянувшись, предупредил Оен. -- У него отличный слух.

- Ладно, ладно, - вздохнула Ейт и устало пригласила волосы. -- Но, прокуратор, это последнее, что нам нужно. Мы потеряли еще один блок, и

пропустил очередную выплату, даже если команды будут работать в три смены. На минутку мне показалось, что мы нашли способ решить проблему.

На этот раз Оен обнадеживающе положил руку ей на плечо.

- Кто знает, - произнес прокуратор. -- Он может оказаться куда лучше, чем кажется внешне.

Он наклонился поближе и понизил голос.

- Я реквизирую для него флаер, - сказал он, прикрыв рот. -- И, чтобы он ни говорил, я

хочу, чтобы его отслеживали, и группа
была готова к быстрому
развертыванию, просто на всякий случай.
Ты сможешь сделать это?

Ейн огадила его терпеливым, нежным
взглядом.

- Уверена, что смогу, - ответила она. -
Просто на всякий случай.

...

Флаер летел над океаном, отбрасывая на
волны темно-зеленую тень. Управлять им
Кваре давалось не без труда, его
раздражала нехватка скорости, к
которой он привык. Двигатель работал на
пределе мощности, и на панели перед ним
горели красные предупредительные рунны.

Квара не обращал на них внимания,
вместо этого наблюдая за
открывающимся из кабины видом. Лизес
простирался во все стороны, лишенный
формы

и пустой, лишь вода и небесная гладь.
Первое солнце стояло высоко, воздух
окрашивался бесцветно-розовым оттенком.

Спокойный океан лишь

изредка пронизывали белые полосы
прокатывающейся зыби.

Первозданная планета. В Империи, где
человек оставлял отпечаток на всем, чего
прикасался, Лизес являлся редкой
драгоценностью. В своей

неизменности он напоминал Кваре
Фенрис. В сравнении с миром смерти, на
котором ниже параллели Асахейма люди
выживали с трудом, Лизес был

более гостеприимным, но обладал той же
необъятностью и первозданностью.

Он касался какой-то струны в его душе.
Много воды утекло с тех пор, как чему-
нибудь удавалось подобное, и в целом от
этого чувства Кваре было не по
себе.

Осталась одна цель, одно задание. Не
забывай.

Он опустил флаер еще ниже, ведя его над
волнами на высоте, едва превышающей
человеческий рост. На гладкий корпус
машины полетели брызги, когда Квара

заложил вираж. Затем он набрал скорость, направившись по курсу, который указал ему прокуратор. На миг, всего на миг, он будто снова

оказался на дреккаре, наслаждаясь крутыми подъемами и разворотами тяжелой деревянной посуды, рассекавшей бесконечные жестокие моря его дома.

Но Лизес был слишком красив для подобного. Слишком красив и слишком милостив.

Плотность водорослей постепенно увеличивалась. Темно-зеленые спутанные пучки плавали прямо под поверхностью, греясь в лучах солнца. Они

растянулись на сотни километров, огромный ковер богатых белками питательных веществ.

Именно ради них люди прибыли на Лизес, чтобы выкачивать бесконечный поток жизненно-важных водорослей и перерабатывать их в пищевые продукты, готовые для транспортировки

за пределы планеты в испытывающие
проблемы с едой улы и кузницы сектора.
Блоки-сборщики, мобильные
промышленные левиафаны, непрерывно
бороздили океаны, оставляя за собой
просеки в бездонной сокровищнице. После
добычи водоросли
упаковывали в миллиарды миллиардов
высушенных и спрессованных брикетов,
которые затем переправляли на
гигантские мануфактории на другие
миры.

Согласно полученным в Никсе записям, на
Лизесе уже более пятисот лет не
случалось серьезных инцидентов.
Сборщики просто продолжали работать,
зачерпывая водоросли гигантскими,
похожими на челюсти хонперати, словно
так будет продолжаться вечно.

Но ничего не длится вечно -- все
разлагается, всего коснулась порча.

Квара цинично устехнулся. Мир,
лишенный вражды, оскорблял его
закаленные боями чувства. Все, что могло

обитать на таком мире, было мягким, а мягкость открывала дверь разложению. Расцветы водорослей под флагом все уплотнялись. Зелень темнела, образуя под волнами густую массу. Если бы все работало должным образом, и мы бы не дали настолько вырасти, догадался Квара.

На переднем сканере мигнула зеленая точка. Квара поудобнее устроился в кресле, насколько ему позволяли огромные гонимые, и стал наблюдать за приближением обломков блока. Он сбросил скорость, разглядывая переломанные балки, которые еще торчали из волн.

Сборщик был массивным. Запутавшиеся в густых пучках водорослей обломки усеивали поверхность более чем на квадратный километр. Квара притормозил, направив струю от двигателей вперед, чтобы замедлиться и зависнуть в воздухе. Затем он нажал диск на панели, и выпуклое стекло кабины отошло назад.

На него дохнул теплый, чуть сладкий воздух. Стоял густой и приторный запах водорослей. Квара встал с кресла и перегнулся через край. Под его весом флаер накренился, и двигатели взвыли, вернув машину в исходное положение.

Квара пристально вглядывался в обломки. На них отсутствовали следы пожара или признаки взрывов. Там, где пласталь была сломана, казалось, будто ее просто перекусили. На других частях также виднелись рваные свидетельства чьих-то огромных когтей.

Квара тщательно осмотрел каждый фрагмент, запоминая угол нанесения ударов, использованную для этого силу, их частоту.

Это того стоит? Достаточно ли?

Первые признаки обнадеживали. В сердцах раздалась дрожь возбуждения, но Квара быстро подавил ее. В жизни случалось слишком много

разочарований, чтобы сейчас цепляться за надежду.

Не закрывая кабинку, Квара сел обратно в кресло и медленно облетел обломки. После этого он постарался абстрагироваться от деталей и

сосредоточиться на общей картине.

Среди вогорослей виднелись огромные просеки, которые свидетельствовали о прохождении здесь чего-то действительно массивного. Хотя следов

было несколько, Квару не покидало чувство, что их оставил только один зверь.

Добыча.

Он закрыл глаза, как поступил бы на Фенрисе, где души охотника и жертвы переплетаются, когда крался бы по высокогорью, оставляя цепочку следов на нетронutom снегу.

Я тебя вижу. Я вижу твой путь. Я буду следовать за тобой, а затем наступит испытание.

Он представил путь зверя, словно тот был стайей конунгуров, как извилистую линию среди бесчисленных вероятностей.

Квара үбигел, как нечто погружается в пучину, темную, словно вакуум костюса, и крадется по изрезанному океаническому дну.

Он открыл глаза. Под ним терно раскачивался бесконечный тех водорослей.

Я вижу тебя.

Квара направил флаер вперед, взяв след. Как он поступал во время всякой охоты, Квара представлял себя на месте добычи, повторяя умственные

процессы зверя и странные, неповоротливые мысли в его огромном разуме. Он научился делать это с такой тщательностью, что по крайней мере на миг они могли стать одним целым.

Его уверенность возросла. Он вновь разогнал флаер до предела.

Квара откинулся и прикрыл глаза от бьющего в лицо ветра. Он дал волю инстинктам, охотясь за добычей, преследуя ее, словно чувствуя ее запах.

Все было так же, как всегда. На миг азарт охоты охватил воина, и задание

стало для него всем.

В более простые, суровые времена, оно и было всем.

В прошлом, которое теперь потускнело и почти забылось, он жил лишь ради этого.

Я вижу тебя.

...

От мощнейшего удара грекнар накренился на правый борт. Он несся по темному, свинцово-серому морю, с неба нещадно хлестал дождь. Низкие

грозовые облака извергали из себя настоящие потоки, водяные конья, которые с грохотом били по палубе.

Все пришло в движение. Волны врезались в высокие борта и выплескивались на палубу, холодные, как горный лед, и тяжелые, словно удары кнутами.

Мачты трещали под тяжестью тугих грожащих снастей, с которых свисали сосульки.

- Я тебя вижу! -- проревел Тенге, выскочив на нос корабля с развевающейся за спиной глинной белой шкурой.

Олеки и Рэгг прошли за ним, крепко хватаясь за поручни и скользя сапогами по мокрой палубе. Каждый из них сжимал по длинному копыю с железным

наконечником, которое с немалым трудом выковали жрецы.

Северное небо расчерчивали молнии, за которыми следовали треск, рокот и грохотание грома.

Фенрис злился, как обычно, и от его гнева вспенивалось море.

Ай Квара держался одной рукой за высокую фок-мачту, раскачиваясь над самой водой. Всякий раз, когда корабль вздымался и опускался на волнах. Он

не видел ничего, кроме сплошной стены дождя и движущейся воды.

Квара выругался про себя и торопливо спустился по снастям. Если Тенге что-то разглядел с носа, значит, у него было куда более острое зрение. Это

плохо. Юность Квары должна была давать ему преимущество.

И затем, когда он был уже на полпути к

палубе, море справа по борту взбурлило
пузырями и хлесткими быстрыми
отростками.

- Вот оно! -- заорал пронзительным от
возбуждения голосом Ракки. Где-то из
мелна раздался яростный хохот. Квара
спрыгнул на палубу, схватил конь
и бросился к борту.

В десятке сажень перед ним поверхность
воды расступилась, и над бьющими
волнами показалось нечто огромное и
черное, а потом нырнуло

назад. Квара заметил блестящий, рябой
от ракушек панцирь, который плавно
удался от преследователей. Из моря
вырвался водяной гейзер, когда
зверь глубоко выдохнул и вдохнул.

- Гвалүри! -- взревел Олекк, стаясь вместе с
остальными воинами.

Квара чувствовал, как его охватывает
азарт, и перегнулся еще дальше за борт,
силаясь вновь рассмотреть существо. На
гребке находилось больше

тридцати воинов. Гвалүри сможет

прокормить их с семьями много недель, а также дать немало ценного для всего племени.

- Быстрее! -- крикнул Квара старику Ракки, который был капитаном судна.

Крупный одноглазый мужчина с покрытыми шрамами лицом бросил на него суровый взгляд, стоя у штурвала.

- Ты охотишься! -- зло выплюнул он. -- Я правлю!

Существо вновь выбросилось на поверхность, теперь уже ближе, разрезав бьющую воду и издав глухой, наполненный яростью вопль.

Маггр еще цеплялся за снасти, и именно он сделал первый бросок. Его копье пронеслось сквозь дождь, вращаясь вокруг оси, и глубоко вонзилось в

бронированную шкуру гвалури. Зверь взревел и ринулся к ним.

- Хьолда! -- с покрасневшимся от горячки лицом закричал Маггр, потрясая кулаками.

Следом полетели другие копья, которые,

Впрочем, прошли мимо цели и плюхнулись
в волны.

Квара выжидал, пока гвалури не всплывет
обратно. Корабль взбирался на отвесную
волну и резко срывался вниз, чтобы вновь
взлететь на следующую.

Палуба грожала и ходила ходуном, будто
секира берсерка, постоянно испытывая
устойчивость воинов. Они хватались за
канаты, стараясь держать

поближе к кренящемуся борту, пристально
взглядываясь в бурю в поисках добычи,
которую они преследовали.

- Лево руля! -- выкрикнул Тенге и
раздраженно потянулся за другим копьем.

Дреккар согрознулся, увлекаемый
крутыми волнами. Кожаные паруса,
которые не убрали перед штормом,
натянулись до предела, отчего корабль
несся

сквозь ливень, словно выпущенный
арбалетный болт.

- Есть! -- завопил Олект, запрыгнув на
грожащий леер и прицелившись.

Взрыз из воды выстрелило что-то глинное и жилистое, обвилось вокруг Олекка глинными шипами и утянуло за борт.

Крика не было. Воин исчез мгновенно, утянутый в ледяную бездну, откуда никто не возвращался живым.

Квара пробежал по палубе и заскочил туда, где раньше стоял Олекк. На долю секунды он заметил бьющиеся черные щупальца, которые скрывали

пузырящийся участок темно-красной воды. Впрочем, быстро рассеивающийся в неугомонном море.

Он метнул копье, но корабль сильно содрогнулся, сбив ему прицел.

- Скитья, - выругался он и спрыгнул за новым копьем.

Затем греккар вздрогнул от корты до носа, словно в него что-то ударило снизу. Тенге потерял равновесие и растянулся на палубе, словно пьяница.

Корабль взмыл вверх и на краткий миг вылетел из воды, а затем рухнул обратно,

сорвав целые куски такелажа, отчего свободные концы тросов
плетями захлестали во все стороны.

Маггз спрыгнул с разорванного каната, еще красный от недавнего успеха, и бросился на нос, перепрыгнув пытавшегося подняться на ноги Тенге.

- Ха! - крикнул он, схватив по пути пару метательных копий и встав на место предводителя.

Квара хохотнул от такой самонадеянности и свесился с борта, сжимая собственное копьё.

Воины еще стаялись и орали -- обрывистый, обжигающий хохот охотников, охваченных жаждой убийства. Она охватила весь корабль и хлестала из греккара яростной, первобытной энергией.

- Я хочу его убить, - выплюнул Квара. Его светлые волосы выбились из кос и разметались по чистому рутяному от ветра лицу. Он ухмыльнулся, и среди бури сверкнули его белые зубы.

- Тогда бросай быстрее, парень, - отозвался

Маггзр, встав в стойку для броска, пристально встатриваясь в беснующиеся воды.

Оно появилось снова, гигантское и блестящее. Квара заметил серого устричного цвета глаз размером с его грудь, круглый, как луна. Он уставился прямо на парня, пылая звериной ненавистью и яростью.

Квара не колебался. Быстро, словно удар плетью, он метнул копье. Оно пронеслось по воздуху и угодило прямо в центр глаза. Древко загрохотало, прочно засев в звере.

Гвалүри завонил, и от его рева загрохотала сама вода, прежде чем он не оттолкнулся от челна.

- Он не должен уйти! -- прокричал Тенге, который уже поднялся на ноги и приготовился к новому броску. -- Не сейчас!

Квара бросился за очередным копьем. Его сердце трепетало слабой, жесткой энергией. Каждая мышца его тела ныла, каждая жилка была напряжена

до предела, но сердце его цело.

Я попал в глаз. Я стог!

Существо опять взревело, заставляя
содрогнуться бурлящее море и
разбрызгивая водные валы по кривой
горбатой спине.

- Моркай! - ругнулся Рэгг, метнув в него
копье, но утүдлившись промахнуться.

Зверь был массивным, размером по
крайней мере с греккар, и намного
тяжелее. Он бился в приступе агонии,
пронзенный множеством копий.

Гигантский, увенчанный костяными
шипами панцирь из покрытого ракушками
матрака раскачивался в разные стороны. Из
под края панциря извивалась

масса щупалец, словно гнездо цепких
язычков. Повсюду летели брызги,
разбиваясь об мачты и стекая на
стоявших внизу воинов.

- Слишком близко! - предупредил Ракки,
выкручивая штурвал.

Судно начало разворачиваться, но
недостаточно быстро. Щупальца

метнулись вперед и, вцепившись в
такелаж, потянули дреккар назад. Корабль
тяжело накренился, едва не
перевернувшись.

Тенге опять с руганью упал на скользкую
палубу. Вдруг откуда ни возьмись
появилось щупальце и крепко обвило его
колени. Он выхватил из-за пояса
секиру и одним ударом отрубил
конечность.

Другие воины бросились в бой, метая копья
в незащищенное брюхо зверя. Некоторые
копья засели глубоко, почти исчезнув среди
леса шевелящихся

конечностей, вызвав у существа новый
болезненный рев. Море пенилось от
вытекающей из монстра вязкой черной
жидкости. Несколько горячих и

соленых капель попали на лицо Квары.

- Он затянет нас! -- крикнул Ракки,
тщетно крутя штурвал.

В корабль вцепились другие щупальца,
некоторые из них дотянулись до
противоположного борта. Дреккар

накренился еще сильнее, и нижний край палубы наполнился водой, омывающей уже промокший настил.

Тенге подбежал к ближайшему щупальцу и ударил по нему секирой. Он резко разрубил его, но на месте потерянной конечности возникли две новые. Но

всему кораблю воины меняли копья на секиры с короткими рукоятями и принимались яростно крошить щупальца. Но корабль кренился все сильнее, раненый зверь тянул его с всевозрастающей силой.

Квара отвел руку и почувствовал, как по лицу ему угодила липкая, вязкая плоть. Он тяжело свалился на спину, по пути приложившись головой обо что-

то прочное. Размытым зрением он увидел, как на него упала черная труба размером с руку. Череп пронзила горячая волна боли, и Квара почувствовал, как пошее заструилась кровь.

Он инстинктивно взмахнул копьем, которого так и не выпустил из рук, и пробил щупальце. Наконечник вонзился

глубоко и рассек конечность на две половинки. Отрезанный конец продолжал извиваться, дергаясь и корчась на мокрой гревесине.

Квара с трудом поднялся на ноги. Корабль тонул. Волны накатывали на палубу и затекали в трюм. Воины рубили щупальца, но на их месте появлялись новые, оплетая греккар лесом влажных, скользких отростков.

- Хьолга! -- взревел он, выхватив из-за пояса секиру и раскинув руки в стороны.

Зверь вновь выплыл на поверхность и провонил собственный злобный клич.

Квара бросился по кренящейся палубе, перепрыгивая тела павших воинов и убегая от мечущихся отростков зверя, не обращая внимания на

пульсирующую боль в голове. Он тчался прямо к гигантскому панцирю, разрубая по пути извивающиеся куски мяса.

Казалось, будто он бежит по склону холма напрямиком в глубины бездонного океана. Квара видел прямо под собой тело гвалури,

покачивающееся среди

обломков сломанного рангоута и
окровавленной воды.

Он прыгнул, оттолкнувшись от корабля,
на миг завис в воздухе, глинные волосы
развевались за спиной, секира возгела над
головой.

Затем Квара приземлился на панцирь
зверя, почувствовав, как прочная
поверхность прогнулась от столкновения.

Он едва не перелетел через край, но успел
ухватиться за костяной нарост. Его резко
дернуло и почти ослепило брызгами и
мощным ветром.

Существо издало оглушительный рев и
еще больше высунулось из клокоющего
тора. Щупальца метались по всему
панцирю, пытаясь сорвать Квару и
сбросить в воду.

Квара поднялся на колени, осторожно
балансируя на движущихся, дергающихся
изгибах, рвущихся к нему щупальца.

Из раны на голове текла
кровь. Сквозь облака брызг он увидел, что

гренкар, наконец, освободился от щупалец.

Квара ннул ближайший отросток, а затем опустил секиру. Он с треском вскрыл панцирь, глубоко погрузив оружие в прозрачное вязкое вещество.

Зверь взревел и затетался среди волн. Из него хлынули струи чернил, разливаясь по груди Квары. Он выдернул секиру, занес ее над головой и снова

ударил. Лезвие оставило новую рану, расколов бронированную шкуру зверя и разрубив мягкую плоть под ней. Брызнуло еще больше чернил, обжигающе-горячих и кипящих.

Квара продолжал атаковать существо, рубя внешние наросты и погружая лезвие все глубже в податливую мякоть. Щупальца продолжали дергаться, но куда слабее прежнего. Вопли зверя теперь стали скорее утешающими, нежели злобными. Из ран хлестала черная жидкость, окрашивая волны в темный цвет.

Квара услышал неподалеку громкий хруст.

Оглянувшись, он увидел возле себя Тенге, который быстро нашел опору и поднялся на колени. Огромный

воин ухмыльнулся ему, сжимая в каждой руке по секире.

- А ты храбрый, щенок! -- расхохотался он и раскрутил оружие в руках, прежде чем вонзить их в зверя. -- Мы еще сделаем из тебя мужчину!

Затем они оба взялись за работу, хватаясь за отколотые куски панциря и срывая их, проникая все глубже, разрывая кожу зверя, уничтожая то незначительное, что осталось от прочной преграды, которая отделяла их от мягкой массы внутри. Краем глаза Квара заметил, как с греккара летят крючья, вонзившиеся

в раненое существо, чтобы подтащить его к борту. Другие воины также готовились перепрыгнуть, размахивая баграти и топорати.

После этого Квара уже не поднимал голову и продолжал работать в поте лица. Головная боль не утихала, хотя он не давал себе передышки.

Несмотря ни на что, он ухмылялся. Кваранничего не мог с собой поделать. Радость победы текла по его жилам, заставляя руки двигаться, придавая ногам сил удерживать равновесие.

« Это мое убийство », - подумал он, продолжая яростно рубить и стараясь хоть как-то скрыть глупую детскую улыбку.

Мое убийство.

...

На следующий день шторм чуть поутих, хотя море буйствовало еще очень долго. Дреккар с трудом пересекал высокие волны. Центральная мачта уцелела, но большую часть такелажа смыло за борт. Ниже ватерлинии зияло несколько пробоин, и не важно, с какой скоростью команда черпала воду, в днище все равно плескалась морская вода, пока воины спешно латали борта.

Кроме Олекка, за борт утонуло еще троих воинов. Это была тяжелая утрата для племени, хотя размер трофея того стоил.

Мясо гвалүри сложет

прокормить их много месяцев, после того как женщины закончат и засолят его. Прочный панцирь обеспечит их инструментами, а из крови с помощью перегонки получают топливо и пищу.

Корабль едва выступал над водой, доверху загруженный шкурой и мясом, которые воины смогли затащить на борт. От них несло морем, хотя никто не

обращал на это внимания. Улов выдался хорошим, достойным того, чтобы идти за ним по черному, словно клинок, океану.

Когда они были уже недалеко от дома, Тенге сидел вместе с Кварой на носу греккара, жуя глиняный кусок сухожилия, жир с которого стекал ему по бороде.

- Тебе лучше? -- добродушно спросил он.

Квара кивнул. Он сломал себе руку во время прыжка обратно на корабль после того, как гвалүри перестал сопротивляться к хриплой радости остальной

команды. Даже когда перетотал рваной
гранкой руку, она продолжала болеть, хотя
он старался этого не показывать.

Хуже всего дело обстояло с головой. Квара
не остеливался показать ее жрецам. Уз-
раны все еще сочились кровь, а боль росла с
каждым часом. Перед

глазами все плыло. Рана не заживала.

- Как я уже сказал, - сказал Тенге, ткнув
пальцем в светловолосого парня. -- Ты
храбрый. Тебя ждет испытание на
зрелость, и ты к нему готов.

Квара взял и себе кусок сухожилия и
принялся жевать его.

- Не уверен? -- спросил Тенге.

- Я сделаю это, - ответил Квара. -- Только
не сейчас.

Тенге хмыкнул.

- К чему ждать?

Квара посмотрел назад, на глинный челн,
где трудилась остальная команда. Это
были его, те, с которыми он прожил всю
свою недолгую жизнь. С ними

он чувствовал себя частью мира.

Испытание на зрелость -- долгая, одинокая охота в ледяных пустошах -- страшила его. Он не боялся смерти, тем более не боялся опасности, но что-то в суровом испытании заставляло его отшатываться от него.

Он пройдет его, но не так скоро. Время пока неподходящее.

- Не знаю, - правдиво ответил он. Он откусил еще кусок сухожилия, чувствуя, как вязкая плоть скользит во рту. Процесс жевания немого притуплял

боль. -- Я не готов.

Он поднял глаза на серые стены облаков, обволакивающие Фенрис. В просвете, там, где темные тучи изредка расступались, ему показалось, будто он

замечил, как за нити что-то крадется. Возможно, огромная птица, хотя ее профиль был странно угловатым. Казалось, словно она неподвижно зависла в воздухе.

- Наверное, ты пока не готов стать одним из нас, - безропотно согласился Тенге.

Квара кивнул, уже не обращая на него внимания. Голова болела все сильнее. Облака опять сомкнулись, скрыв то, что ему могло привидеться.

- Да, - сказал он. -- Наверное, так и есть.

...

Квара провел пальцем по именам на доспехах. В теплом свете Лизеса снежно-белый металл приобрел более мягкий оттенок. Даже следы клинков, ожоги и вмятины выглядели не такими резкими.

Ему не нужно было читать имена, чтобы вспомнить их обладателей. Они были высечены в его разуме так же глубоко, как выгравированы на керамике.

Мьор, его грубое лицо обращено густыми черными бакенбардами. Темные волосы, бледная кожа, словно привидение из Мира мертвых, с

соответствующим чувством юмора.

Гримбьярд	Лек,	полная
противоположность		Мьору.

Жизнерадостный,	светловолосый,	по
любому поводу	его рот	кривился в

плутовской улыбке. Он

убивал с устешкой на лице, каждым
взмахом секиры восхваляя Всеотца.

Вранк, тот, кого они звали Наотмашь,
огромный и неотесанный, с гудящим
силовым кулаком, грязный боец, но
достаточно утелый, чтобы пользоваться
своим грозным оружием.

Эрьяк и Ранн, неразлучные братья по
оружию, сверхъестественно чувствующие
друг друга. Квара всегда считал, что
Эрьяку дорога в рунические

жрецы. В нем было нечто странное,
нечто связанное с вюргом, со всем тем,
что случилось на Денете Теросе.

Фрорл, мастер клинка, орудующий
морозным мечом с бессознательной,
настешливой легкостью, презирающий
дальнобойное оружие и

предпочитающий трепет возбуждения
распадающихся полей и стальных лезвий.

Рийял Свенссон, худой и стремительный,
скорый на гнев и веселье, его нос был
сломан столько раз, что он перестал

обращать на него внимание. Он никогда не использовал аугментические замены, предпочитая оставить на лице остатки хрящей и осколков костей, чтобы те напоминали ему о том, что не нужно лезть на рожон.

И, наконец, Беорт, самый тихий из них. Он был счастлив лишь тогда, когда устанавливал тяжелый болтер или управлял чем-то огромным и многоствольным. Если бы ему позволили, он бы предпочел стать Длинным Клыком, а не Серым Охотником. Беорт редко когда улыбался и никогда не

смеялся над грубыми шуточками, которые срывались с уст братьев, но когда все же делал это, то раскатистый, гулкий рокот заставлял Квару

подсознательно улыбаться вместе с ним. Беорт был самым стойким из них. Он был из тех, чьего присутствия не замечали, пока его вдруг не оказывалось на месте. Бронированный палец Квары скользил по именам, тихо шелкая, когда

отражался до выгравированных рун.

Наверное, ты пока не готов стать одним из нас.

...

На панели полыхнул предупреждающий световой сигнал. Квара очнулся от воспоминаний и просмотрел поступающие данные.

Блок уже находился в поле зрения и стремительно приближался. Он представлял собой небольшую конструкцию несколько сотен метров в диаметре, увенчанную парой башен связи, с посадочными площадками и приземистым операционным центром. На верхушках еще тизали огни, вспыхивая на

фоне ясного дня. Вдаль тянулись водоросли, местами прореженные, но кое-где все еще густыми зарослями. Из перерабатывающих узлов уборщика поднималось четыре столба маслянистого дыма, которые указывали на то, что станция еще работала.

Квара поторщился. Он уже чувствовал

насыщенную вонь прометия, низкопробной и неочищенной стеси.

Он пробежался бронированными пальцами по пульту, набрав посадочные коды из инфохранилища, которое Оен загрузил во флаер. В ответ по экрану

слева от него потекли загруженные данные. Защитная крыша над одной из площадок раскрылась, будто железный бумон, и Квара направил флаер внутрь.

На первый взгляд, ничего необычного.

Он посадил флаер на платформу и выпрыгнул из открытой кабины. Из одного двигателя валил дым, другие медленно стихали, словно разом лишившись всей энергии.

Квара спустился по трапу, инстинктивно проверив оружие. Болт-пистолет на поясе заряжен и должным образом благословен. Дуло церемониально

вытаzano кровью, его кровью. За спиной находился Дьялик, его клинок. Это был короткий острый меч, иззубренный и

заточенный по одной кромке, с
рунами, вытравленными на покрытой
бронзой рукояти. За долгие годы металл
потускнел от ожогов и действия
разрывающего поля, из-за чего лезвие
стало черным, словно уголь.

Квара вдохнул воздух и настороженно
оглянулся. Кругом царила тишина.
Конструкция почти не двигалась на
слабых волнах. Теплый ветер обдувал
башни и мануфактории, проносясь по серой
пластали бесконечным протяжным
вздохом.

Впереди находились настеежь
распахнутые двери, словно приглашающие
войти в блок. Мигающее оранжевое
освещение озаряло пустынный чистый
коридор. Повсюду пахло водорослями --
солоноватый привкус мутьчи.

Квара замер и, прежде чем войти,
последний раз осмотрел блок. Кроме
низкого рычания автоматических
переработчиков, не было слышно ни звука.

Зеленые волны мягко ударялись о борта

комбайна в ста метрах под посадочными платформами.

Где все люди?

Успев привыкнуть к чистому, неотфильтрованному воздуху, Квара неохотно снял сильно изношенный шлем с маг-застежки на поясе и одел на голову.

Ароматы Лизеса тут же стенились очищенной стерильной средой бронированных успехов.

Квара поднял болт-пистолет и прошептал молитву, ту самую молитву, которую произносил во время каждого задания после Денета Тероса.

Всеотец, избавь меня от праздности и свергни в опасность.

Затем он шагнул внутрь.

...

- Где он?

- «Алекто-11». Он приземлился.

- Далековато от предыдущего места.

Есть сигнал от команды?

- Ничего. Совершенно ничего.

- Когда была последняя передача?

- Секунду подождите.

Ейт взялась за поручень флаера. Машина была большой, способной продержаться на дороге несколько дней и вместить целую штурмовую роту. Она

не любила использовать настолько крупные суда -- от непрерывной вибрации и вони топлива ей становилось плохо, в то время как солдатам

приходилось тесниться в трюмах.

- Они не выходили на связь уже шесть дней, госпожа.

Ейт повернулась к офицеру связи и вопросительно подняла бровь.

- Почему не сообщили? Им следовало отчитываться каждый день.

Офицер связи -- мужчина с посеревшим лицом, глубоко запавшими глазами и неправильным прикусом -- извинительно пожал плечами.

- Нужно много чего отслеживать.

Ейт выругалась и потерла глаза. Трон Земли, как же она устала. Когда она

вернется назад, с Оена причитается.

- Ладно, просканируй. Проверь по всем параметрам.

- Не вижу... она. Правда, не знаю... что это?

Ейт отогвинула его и склонилась над авгурным пультом. Пока она смотрела, очертания обрели четкость, и внезапно по ее телу пробежался холодок.

- Как далеко ты от него?

- Не близко. Прокуратор Оен настоял, чтобы ты держались...

- Забудь. Мы идем за ним. Передай на Никс сообщения, но ответа не жди.

Ейт отвернулась от офицера связи и оглядела тесный мостик. Другие офицеры постотрели на нее из-за своих пультов. На их лицах была написана вся

гамма эмоций: от легкой скуки до нервного ожидания.

- Вооружите людей и приготовьтесь к высадке, - обратилась она к командиру роты, приземистому, низколобому тужчине по имени Фрехис Эрем. --

Передать всем отделениям: штурмовое

построение, приготовиться к высадке по
моей команде.

Ейм бросила взгляд на консоль, прежде
чем командир смог ответить. Стрелка
августу закончила еще один круг, и ее
сердце сильнее забилося в груди.

- Черт тебя подери, Оен, - пробормотала
она, покачивая головой при виде потока
бегущих данных. Ты позволил ему пойти
туда, и это останется на твоей
совести.

...

Безмолвные коридоры освещал лишь
тусклый оранжевый свет. Каждый метр
стен сверкал чистотой и блеском. В них
на равных промежутках

располагались шестиугольные люки, все
как один закрытые. Квара подергал
очередную ручку, и замок внутри лишь
щелкнул. Он надавил сильнее, отчего
рычаг затрещал, и люк распахнулся.

Комната по ту сторону пребывала в
запустении. Внутри стояли стол, два
металлических стула, на буфете была

установлена уменьшенная модель станции-сборщика. Оранжевый свет мерцающей лампы отблескивал от драгоценных камней на дешевой иконе притарха или кого-то другого. Комната пустовала, судя по стерильному запаху, сюда не заходили уже некоторое время.

Квара вышел обратно в коридор и направился дальше. Несмотря на тяжелые ботинки, он ступал почти бесшумно. Силловые госпехи издавали гул -- низкий, скрежещущий звук на предельном человеческом слухе -- единственный звук, нарушавший густой туман тишины.

Квара затер и, чуть склонив голову, прислушался. На миг он что-то услышал, на самой границе слуха. Ничего, что ему бы удалось опознать, звук оказался недостаточно громкий, чтобы шумом стога его усилить.

Он вновь двинулся вперед, выставив перед собой пистолет. Седые волосы на шее встали дыбом, зашуршав о ворот госпехов. По крупному телу

панцирь. По коридору
разнеслись резкие, чуждые крики.
Рухнувшее чудище перепрыгнули другие
существа. Суставчатые конечности
гребли по металлу, их очертания
проступали в ослепительно-белых
вспышках болт-пистолета. Твари рвались
толпой, напирая друг на друга с широко
распахнутыми пастьми.

Квара отступил назад, не прекращая
вести огонь. Он двигал рукой только
самую малость, поражая цель за целью,
разрывая на куски увеличивающийся
рой ксеносуществ. Перекресток быстро
наполнился ливнем снарядов и сочащейся
плотью, но Квара продолжал хладнокровно
стрелять.

Когда счетчик патронов приблизился к
нулю, атака прекратилась. Стихли
последние чирикающие вопли, и перед ним
осталась лежать гряда
изувеченных, рассеченных и треснувших
панцирей.

Квара загнал в пистолет новый магазин, а

потом левой рукой достал меч. Разрывающее поле Дьялика зашипело, вокруг крошки появился электрический голубой ореол.

Он вышел на перекресток, обходя сломанные, подергивающиеся тела, выискивая новых ксеносов.

Квара знал, что они такое. Он сражался с подобными тварями на десятке миров.

Улнериут называл их хормагаунтами.

Квара любил сражаться с тиранидами. В отличие от предателей, к которым он не испытывал ничего, кроме слепой ярости и отворачивания, и

зеленокожих, достойных только презрения, тираниды были силой, которую он мог уважать.

Они были чистыми, не ведали страха, порчи, усталости. Слово звери его родного мира, они напали с неупокойной первобытной злобой, жаждущие

убивать, ведомые заложенным с рождения инстинктом, и не останавливались до тех пор, пока не погибали или не достигали

поставленной цели.

Они считали его добычей. Он считал их добычей. Это все упрощало.

Коридор впереди переходил в широкую прямоугольную комнату. У стен стояли глиняные ряды оборудования, целого и чистого. Возле него лежали тела команды блока, которые оказались далеко не такими же целыми и чистыми.

Их растерзали. Тела, или то, что от них осталось, грохотались среди блестящих хрящей и связок по всей комнате. Некоторые, очевидно, пытались выбежать через двойные двери в дальнем конце зала. Следы крови, темные и густые, будто машинное масло, ввелись повсюду недалеко. На лицах

трупов застыло выражение ужаса — по крайней мере тех, у кого они остались.

Квара повел пистолетом. Свет до сих пор не включился, и его шлем различал очертания тел в размытом сером спектре.

Он почувствовал их приближение раньше,

чем системы гонимых. Торопливый,
царапающий без, приглушаемый гверти,
подчеркиваемый

пронзительным скрежетом голосов
ксеносов. Они мчались к нему — десятки,
возможно и больше.

Квара ухмыльнулся.

Двери разлетелись на части,
проломленные массой тел. Размытые
силуэты воющих ксеносов, худощавых и
похожих на рептилий, ворвались в
комнату, разлившись волной изогнуто-
острых зубов и крюкообразных когтей.

- Фенрис!

Квара бросился на них, перепрыгнул груды
выпотрошенных тел и очертил мечом
широкую сверкающую дугу. Он столкнулся с
волной, разрядив очередь

из болт-пистолета, которая полыхала во
траке, словно молния.

Они рвались вперед, бросались на него, а он
рубил их когти и тела. Они прыгали,
пытаясь повалить его, а он крушил их
лязгающие челюсти. Квара

развернулся, перенес вес с одной ноги на другую, после чего ударил ногой и рубанул мечом, не прекращая при этом стрелять.

Костлявые тела ксеносов

разлетались во все стороны, разрывались и расплескивали жидкости по его доспехам.

Из разбитых дверей, прыгая, полезли новые существа, стремясь поскорее добраться до него. Они тчались по мертвым телам собратьев, отчаянно

желая пролить кровь.

Квара ударил рукой, в которой сжимал болт-пистолет, и пробил череп ксеносу, после чего еще дважды выстрелил в две цели, вонзил меч и затем

вынул его из внутренностей еще одного дергающегося монстра.

Они окружили его, кусаясь и крича, но он был быстрее, крупнее и сильнее. Пока ксеносы вопили от мучительной ярости, Квара рычал с хриплым

удовлетворением. Его перчатки потяжелели и стали липкими от ихора, но

Он не переставал наносить удары. По нагруднику ручьями текла жидкость, покрывая выгравированные имена.

Он был обучен этому. В нем не осталось ничего, кроме этого. Лишь во время подобной работы его душа могла найти хотя бы какое-то успокоение, даже когда его тело находилось на пределе своих возможностей.

Он вновь оказался в том мире, для которого был создан. Вновь в бою.

...

- Квара!

Голос Мьора по котлу казался напряженным, то и дело прерываемый треском пальбы. Гигантские, мощные удары искажали передачу.

- Позиция, брат, - отрезал Квара, тчась изо всех сил, чувствуя, как по лбу струится пот.

- Ранн... все утерли...

И все. Из котла с треском вырвался поток статических помех. Квара продолжал бежать, не поднимая голову, петляя среди

обломков. Жужжащие

снаряды врезались в феррокрит, засыпая его обломками.

Кровь Рүсса, где они?

Он ощутил взрыв слева и вовремя отпрыгнул. И без того наполовину разрушенная стена взорвалась, извергнув шар огня и ржавой шрапнели. Взрывная волна сбила его с ног, и он врезался в ближайший вал. Квара тяжело грохнулся об землю, расколов камень и засыпав доспехи пылью.

- Позиция! -- выплюнул он, поднявшись на ноги и снова сорвавшись на бег.

Но котлу ничего не было слышно, кроме шипения. Небо Денет Тероса согрозилось от грозы, и горящий горизонт облизала ветвистая фиолетовая толня.

Лек. Свенссон. Позиция.

Он пригнулся и полчился дальше. Гигантские снаряды проносились между островами шпилей, разрываясь в какофонии накладывающегося, вибрирующего грохота.

Статика продолжала настехаться на
ним, и торганием он закрыл канал. Далеко
впереди центр города разрывали на части.
Огромный, увенчанный

зубчатыми башнями блок-шпиль высотой
в сотни метров рухнул со степенной,
величественной неторопливостью. Стены,
прошитые сотней выстрелов, обвалились
под гигантским давлением, извергнув
волну горячей пыли. Крики тех, кто
находился внутри, унес порывистый ветер
и испепелил

воспламенившийся прометей.

Квара выбежал в узкий транзитный
проход, огибая дымящиеся воронки и
перепрыгивая лотки колючей проволоки.
За ним рвались снаряды, вздымая

клубы щебня. После того, как он оставил
Вранка, сплевывающего кровь в канаву, чья
нижняя часть тела валялась на другой
стороне улицы, на

тактическом дисплее Квары не
отражалось ничего, кроме статических
помех. Локационные руны его стали были
мертвы.

Нас рвут на части.

Он заметил движение на левой границе визуального поля и бросился следом. Что-то -- что-то крупное -- нырнуло под гигантскую, низко висящую металлическую балку.

Квара выстрелил. Болты с воющей помчались в наполненный огнем сумрак и превратили балку в облако быстро вертящихся осколков.

Затем он вновь перешел на бег, перескакивая дымящиеся воронки от мортирных снарядов и огибая кучащиеся дымом груды шлака. Он не убил его. Он бы понял, если бы убил.

Предупрежденный внутренним чутьем, Квара резко затер и пригнулся.

Вырвавшийся из тьмы шар плазмы пролетел в считанных сантиметрах, угодив в стену позади. Квара ринулся вперед, спиной ощутив жар еще одного плазменного выстрела.

Он перекатился в сторону, поднял пистолет и вслепую открыл огонь. Болты

во что-то попали, раздался пронзительный крик, и поток плазмы прекратился.

Квара вскочил и бросился к источнику звука, пригибаясь и петляя на развороченной земле. Его чувства обрабатывали по пути тысячи меньших событий

со всех направлений — вопли рыдающих от страха и боли гвардейцев, потоки непрерывного огня из укреплений и перерабатывающих заводов, скрежет

и лязг колонн бронетехники, которая выезжала из транзитного блока по толпу, что осталось от Цослинсбана. Он обрабатывал все звуки, но ничего в них

не замечал. Костический Волк полностью сосредоточился на неуловимой тени, призраке, который оставался на шаг впереди, призраке, который убивал их.

Квара обогнул выжженный остров «Хилеры», чувствуя в вязкой слюне сладковатый запах охоты.

Впереди, в гвухстах метрах, он опять
увидел его, тьму среди облаков дыма из
машинных двигателей. Гигантский,
покрытый шипами, он прыгал, будто
обезумевшее порождение Зимы Хель.
Скверна исходила из его тела вонючей
маслянистой тенью.

Оно обернулось, и глаза цвета плоти
новорожденного уставились на Квару.

Квара открыл огонь, разрядив грохочущую
очередь разрывных снарядов, петляя между
разбитой техникой 576-го Бронетанковых
фальчионов.

Болты попали в цель, и существо
отшатнулось на гигантских,
оканчивающихся копытами, ногах. Оно
отбросило почерневшую плазменную пушку
и

потянулось за тускло мерцающим
кинжалом. Крик разорвал воздух, разлетаясь
эхом кошмарного многоголосия.

Квара не сбавлял шага. Пистолет
щелкнул, и он откинул его, на ходу
обнажив свой меч Ротгериль и

активировав разрывающее поле.

Существо, с которым он столкнулся, некогда было человеком. После этого было костическим десантником. В конце же оно превратилось в живой

алтарь сагизма, пророка темнейших уголков безумия и отчаяния в галактике, которая пропитана ими.

Его доспехи, гротескная пародия на тактическую гредноутскую броню, потреснули и раскололись под давлением пульсирующей плоти. В трещинах были видны вздувшиеся опухоли. Лицо -- частично решетка шлема, частично оскал черепа -- ухмылялось из-под свивающихся бронзовых змей-кабелей.

Искаженный кератит потрескивал от злобещих энергий, будто талая вода. По бледно-розовым следам с шипением текла бурлящая кровь, расступаясь всякий раз, когда ее касался чистый эфир.

Квара затахнул, орудуя мечом с пугающей скоростью и точностью. Он чувствовал отточенность собственных

движений и по праву гордился этим.

Каждый нанотетр его тела стремился убивать. Его сердца грохотали, кровь кипела, легкие горели от очищающей боли.

Клинки столкнулись, и разряд энергии отбросил Квара назад. Чудовище возвышалось над ним, подняв пульсирующее лезвие для нового удара.

Квара отступил и развернулся, чтобы опять набрать скорость. Существо взмахнуло мечом, разрывая сам воздух и оставляя след из агонизирующего вещества.

Квара поднырнул под удар, ощутив, как крошка меча отсекла кусочек его ранца. Сжав Ромгериль обеими руками, он сделал выпад, не обращая

внимания на болезненную вонь, которую источало тронутое порчей чудовище.

Меч погрузился глубоко, пылая, будто звездное поле, когда он пронзил деформированный кератин и испорченную варпом плоть.

Существо отскочило назад, вырвав клинок из его рук с такой силой, что Квара потерял равновесие и проехался лицом по теплу и пыли разрушенного

города. Космический Волк тут же пришел в себя и откатился в сторону, избежав удара, после чего вскочил обратно на ноги и попятился, разозленный, что так просто лишился оружия.

Теперь у существа было два меча. Его собственный пылал болезненной, насыщенной энергией. Другой он сжимал за кончик лезвия. Длинные пальцы

зверя обхватывали разрывающее поле, истекая темной пурпурной кровью там, где крошка Ротгерия вонзалась в его извращенную плоть.

Оно растеялось, и стех его походил на крик ребенка.

Оставшись без оружия, Квара стиснул кулаки и зарычал, приготовившись к атаке. Существо было почти вдвое выше его, измененное Губительными

Силами. Серый охотник бесстрашно и

отчаянно глядел на него через красные линзы шлема, обдумывая, где бы его удар стоило нанести хоть какой-то

урон чудищу. Он решил прогнать свою жизнь с кровью и пламенем.

Но не сейчас. Ураган снарядов из тяжелого болтера вонзился в возвышающегося монстра, пробив доспехи и погрузившись в розоватые мышцы. Он

пошатнулся под беспощадным ливнем разрывных пуль.

Из облаков вышел Беорт, обеими руками сжатая грохочущий болтер. Комл-связь все еще безучастно шипела. В редких прояснениях Квара слышал на

канале Беорта только напряженный, отчаянный звук.

Костицкий Волк ревел.

- Меч, брат! - крикнул Квара, протянув руку.

Беорт не обратил на него внимания. Он шел к содрогающемуся существу, ни на секунду не прекращая огонь, разрывая покрытые тошнотворными

символами и богохульными знаками
доспехи, словно скорлупу. Его собственные
доспехи стали черными как ночь,
обожженными и иссеченными, кровь
текла из десятка смертельных ран.
Несмотря на это, он продолжал идти,
мощный и неумолимый, извергая
непрерывный ливень иссушающего,
обжигающего разрушения из раскаленного
докрасна дула огромного оружия.

Чудище тяжело шло сквозь бурю, болты
впивались в его руки и тело, срывая куски
доспехов и выбивая пурпурные фонтаны
крови. Оно постепенно
приближалось к Беороту, непрерывно воя в
пароксизме ярости и безумия.

Затем монстр прыгнул, оставляя за собой
брызги крови, вытянув руки и распахнув
пасть. Он врезался в Беорта, и они оба
рухнули на землю. Существо

стремительно потянулось к его шее,
раздвоенными копытами молота и
оставляя трещины в его доспехах.

Квара бросился следом и прыгнул на спину

зверю. Он ухватился за вычурный край его доспехов и потянул на себя, оттягивая его от Беорта. Отродье

яростно взревело и заметалось, пытаясь сбросить его. Квара держался, раз за разом погружая пальцы в незащищенную плоть и вырывая ее целыми

кусками.

Беорт поднялся на ноги, извлекая меч. Тяжелый болтер, сломанный и дымящийся, с грохотом упал на землю.

Существо Хаоса сбросило с себя Квару и попыталось проткнуть его губы мечом. Квара вовремя откатился, клинки прошли в считанных сантиметрах.

Беорт поднялся, сжал свой меч и ринулся в бой, вращаясь и танцуя с мастерством Фрорла.

Они сближались и отступали, били и парировали. Теперь предатель пятился, истекая кровью из расколотых доспехов. Левая рука Беорта, вывернутая

под неестественным углом, безжизненно висела, каждое движение причиняло ему

лучение.

Квара вскочил на ноги как раз вовремя, чтобы увидеть, как Предатель яростным взмахом зараженного варпом клинка отбил в сторону меч его брата. Он со звоном покатился по камням, отражая от лезвия языки пламени. Подгоняемый отчаянием, Квара потянулся и схватил рукоять меча прежде, чем тот остановился.

Едва развернувшись, он увидел, как последним, ужасающим выпадом существо ломает шею Беорту. Гигантский воин отлетел назад с тошнотворным хрустом костей.

Затем существо обернулось к Кваре и ухмыльнулось.

Квара активировал разрывающее поле клинка Беорта, едва обратив внимание на раны, выпавшие вдоль лезвия. Они означали «Дьялик». Меч

казался легким и идеально сбалансированным.

- За Всеотца, - тихо шепнул Квара, взирая

на убийцу своей стаи, чувствуя
заключенный в лезвии запах смерти.

Существо бросилось в атаку, размахивая
мечами, но его движения были странными
и хаотичными. После боя с Беортом на его
теле остались огромные

раны, из которых хлестала кровь.

Квара ринулся навстречу, увернулся от
первого удара, сделал выпад и вонзил
Дьялик под подбородок Предателя.

Острое вошло чисто, пробив кость и мозг.
Чудище, насаженное на плюющееся
энергией лезвие, согнулось, будто кукла,
слепно размахивая оружием.

Гигантские кулаки молотили по доспехам
Квары, но тот продолжал стоять. Он
подавал все больше энергии в разрывающее
поле Дьялика, пока голова

существа не вздулась, треснула, а затем
взорвалась.

Дождь из мешанины мозга и костей
ослепил Квару, отбросив назад.
Дезориентированный, он покачнулся и
тяжело осел. В боку чувствовалась резкая

боль, и он заметил торчащий из него меч
Предателя. На груди и плечах пылали
красные раны, показывая подробные
сведения относительно тяжести
его ранений.

Безголовое тело Предателя покачнулось и
с глухим грохотом рухнуло на измученную
землю Денета Тероса. Но его изувеченному
телу, словно

могильные духи, танцевали щупальца
варн-матери.

Все еще сидя, Квара ухватился за
пропитанный порчей клинок, стиснул зубы
и вытянул его. Меч вышел с влажными
хлопаньем, потянув за собой через

рваную дыру в доспехах куски мышц и
кожи. Он чувствовал в ране яд, горячий и
бурлящий, словно рой насекомых. Воин
попытался встать, но

безуспешно. Кровь была ключом, несмотря
на быструю свертываемость крови. Перед
глазами все поплыло и потемнело, и
голова Квары упала на
горячую землю.

Небо над ним прочерчивали огненные следы. Словно издалека, до него доносился рев и шум битвы. Земля под ним вздрагивала, когда гигантские машины сшибались друг с другом. Высоко в темных небесах висели черные силуэты десантных кораблей, которые казались размытыми из-за работающих двигателей.

Квара взирал на происходящее молча, чувствуя, как паралич постепенно подбирается к губам. Сознание покидало его, пока покалеченное тело боролось с текущим в крови ядом.

- Позиция... - автоматически пробормотал он, повторяя слово, которое так часто произносил за последний час, испытывая горькую тщетность, даже когда разум перестал воспринимать окружающий мир.

Беорт погиб. Вракк погиб. Рани и Эрьян погибли вместе, как ил и судилось. Стая -- все они -- погибла.

По обожженной щеке Квары пробежала

дневная слезинка. Ему хотелось снять
шлем, вдохнуть воздух мира, который это
сделал, но руки отказывались
повиноваться.

На него снизошла ночь, ночь забвения.
Последнее, что он видел, было яркое
свечение дисплея. Восемь рун, восемь
идентификационных рун, были
безжизненными, будто дыры в пустоте.
Все мертвы.

Мысль опаляла разум, пока его уносило в
ничто. Она жалила его куда сильнее раны
в боку, сильнее многих ран на теле,
сильнее последней мысли о
том, что он не утрет от яда и это не
последний бой, который ему предстоит
увидеть.

Неважно. Впервые с тех пор, как он сошел
со льдов и принял Хеликс, это было
неважно.

Больше ничего не было важным.

Все мертвы.

...

- Это твой выбор.

- Я уже сделал его.

- Еще нет. Тебе нужно больше времени.

- Мое решение не изменится.

- Но может. Я уже видел такое раньше.

Глаза во тьме были красными и яркими.

Если бы он умер, то ожидал бы встречи с подобными глазами.

Но он не умер, не в физическом смысле.

Глаза за темными линзами походили на его собственные. Они скрывались за череполикой маской в виде

черной волчьей головы, с зубами, расположенными вокруг решетки шлема.

Изоляционная комната «Врафнки» гудела от скрежета субмарин-путешествия. Он не знал, куда направляется корабль или как долго они в пути. Ему

предстоит многое узнать, хотя он не торопился с расспросами.

- Это привилегия, а не право, - произнес рунический жрец, хотя не так строго, как мог бы.

Голова Квары упала обратно на медицинскую койку. Его тело до сих пор

болело. Кровь казалась болезненно горячей, словно в него закачивали расплавленный свинец.

- Со всем уважением, лорд, - сказал он, с трудом шевеля губами. -- Я вам не верю. В этом никогда не отказывали.

Какое-то мгновение череполика маска не шевелилась. Затем из-за черного шлема донесся резкий сухой смехок.

- Возможно.

Маска приблизилась, затерев в паре сантиметров от его лица. Единственным здоровым глазом Квара посмотрел сквозь прозрачную занавеску. Он

чувствовал мягкую пульсацию оборудования, перегоняющего кровь, заставляющего биться оба сердца, напоявшего легкие, заставлявшего его цепляться за жизнь.

- На что, по-твоему, будет похож путь одиночки, охотник? -- спросил он. -- Сколько у тебя уйдет времени, чтобы найти трофей достаточно крупный, дабы утолить твою скорбь? Когда мы достали

тебя из-за льда, близком к смерти, как и
сейчас, ты убил гвалури. Насколько
большим должен оказаться этот
зверь, Ай Квара, чтобы его смерть
удовлетворила тебя?

Квара трачно улыбнулся.

- Когда я был ребенком, то мечтал убить
краккена. Я думал, этого будет
достаточно, чтобы стать небесным
воином.

- Значит, ты глупец. Краккена нельзя
убить.

- Но ярл Энгир...

- Краккена нельзя убить. Он будет
терзать корни мира вечность, пытаясь
ослабить их.

Рунический жрец снял череполикую маску.
Квара закрыл глаз. Он чувствовал, как
наркотики утягивают его обратно в
дрему, и старался побороть их
действие.

- Его можно убить, - сказал он, чувствуя,
что говорить становится все труднее. - Я
знаю это, и вы знаете. Все живое можно

убить.

...

Он продолжал спускаться вниз, все время
вниз, прокладывая путь через орды
заполонивших нижние уровни
хормагаунтов, уничтожая каждую новую
их

волну, которая разбивалась о его доспехи.
Дьялик стал скользить от жидкости, как
и ствол его болт-пистолета, в котором
осталось опасно мало
снарядов.

Существа направлялись к нему снизу. Они
поднимались по сенсорным шахтам из
подводных участков, стремительно и
беззвучно. Команда станции не

успела поднять тревогу, у них не осталось
времени даже на то, чтобы отправить
сигнал бедствия, прежде чем живая стена
зубов и когтей не разорвала

их всех на куски. До прибытия Квары они
успели разбиться на стаи и рассеяться,
расчищая дорогу для чудовища, появление
которого они предвещали.

Лишь из-за его вмешательства они собрались вновь, внаб в прежнее состояние всепоглощающей ярости.

Теперь их количество снова стало уменьшаться. Квара плавно развернулся, и три существа врезались в пласталевую стену. Двое ударились с влажным хрустом и повалились на пол. Третий сумел подняться, и Квара презрительным движением сломал ему шею.

Пол согнулся от мощного удара во внешнюю стену. Толчки становились все сильнее, и ему с трудом удавалось выстоять на ногах. Один из последних хормагаунтов пробрался в комнату и бросился к нему. Квара ударил кулаком в приближающуюся пасть, даже не позаботившись использовать меч.

Комната опять согнулась, и по стене побежала трещина. Квара отступил назад и быстро проверил целостность доспехов, прекрасно понимая, что

находится в паре сотен метров под

уровнем моря.

Строение вокруг него застонало, и начали прогибаться стены. Трещин становилось все больше, как будто что-то огромное и цепкое обвило комнату и стало сжимать ее.

Квара расставил ноги шире, поняв по хрусту и треску ломающихся балок, насколько крупным было существо снаружи. Стены покосились еще сильнее, а затем развалились. Мутная пузырящаяся вода ворвалась внутрь, своим напором сбив его с ног. Квара поплыл вверх, вращаясь и болтая ногами в стремительном водовороте, и принялся размахивать мечом. Лезвие задело что-то липкое и быстрое, разрубив его прежде, чем оно проникло внутрь.

Он ни на секунду не останавливался, стараясь уйти как можно дальше от рушащихся стен, сражаясь с напором хлещущей воды. В комнату залезли другие щупальца, стараясь поймать его. Ему непрерывно приходилось бороться с

гезориентацией. Вокруг него все находилось в движении, пенилось и текло. Вода быстро заполняла то, что осталось от комнаты, вначале дойдя ему до пояса, затем до плеча, а после и вообще накрыв его с головой.

Сквозь толщу мутной воды Квара заметил движущийся за ним покрытый присосками отросток, срывающий по пути меблировку комнаты. Он метнулся ему навстречу. Едва воин оттолкнулся, как пол окончательно обвалился, исчезнув в бурлящей пене треснувшей сетки и покрытия. Оттуда вырвалось еще больше воды, превратив остатки воздуха в пузырьки.

Квара взмахнул Дьяликом, метая в извивающееся из дыры щупальце. Лезвие отрубило его начисто, и из воды раздался громкий крик — резонирующий, грохочущий рев боли.

Затем комната полностью распалась, принесся со всех сторон потоки бурлящей окровавленной воды. Квара проплыл под

падающим куском стены, погружаясь все глубже и глубже. Цепляться ему было больше не за что, за исключением рвущихся балок и переборок. Он попал в самый эпицентр

разрушения, и когда уже все строение начало рушиться, его потянуло дальше в бездну.

Последние остатки воздуха взлетели столбами сверкающего серебра, оставив Квару барахтаться в быстро чернеющей морской воде. Визор шлема

частично компенсировал тьму, освещая происходящее потоком раскрашенных ложными цветами целей.

Квара уклонился от леса изольно-тонких сенсорных вилок, торчащих по разваливающимся сборщикам, стараясь по пути найти существо, которое

создало все это. На краткий миг он заметил нечто огромное, протелькнувшее прямо над ним. Он неуклюже развернулся на спину и выстрелил вверх.

Болты прошли воду, оставляя за собой

длинные пугающие следы. Раздалась череда глухих толчков, и в воде что-то содрогнулось.

Квара упал в водоросли. Его затягивало в вязкую, липкую массу густой растительности. Она цеплялась за него, обвиняла конечности. Он вновь

развернулся и взмахнул клинком, чтобы обрубить ее, погружаясь все глубже. Воин вытащил болтер, чтобы снова выстрелить вверх, но вдруг вокруг его руки обвилось щупальце и начало тянуть к себе.

Яростно вздрогнув, он прекратил падение. Водоросли расступились, и внизу метнулись множество щупалец, которые схватили Квару и потащили вверх.

Костический Волк разрубил их, но в него вцепились новые присоски. Второе сердце Квары тяжело колотилось. Дыхание эхом отдавалось в шлеме, частое и ритмичное.

Он посмотрел вверх, и впервые смог разглядеть существо. Из сумрака выступал гигантский заостренный гребень

панциря, покрытый толстым слоем
ракушек. Из-под гребня виднелась пасть, в
которой блестели ряды зубов-игл. Из
покрытой шипами шеи выросло мощное
сегментированное тело.

Повсюду из сочленений тянулись
щупальца, извивающиеся в воде так, будто
обладали собственным сознанием. Длинный
хвост исчезал в морских

глубинах, заканчиваясь жалом, похожим
на скорпионье. Шкура зверя казалась
блестящей и обтекаемой, он двигался в
воде с мощным, мускулистым
изяществом.

Пока Квара рассматривал его, сражаясь с
вцепившимися щупальцами, существо
распахнуло громадную пасть, из которой
выстрелило несколько

языков, длиной с его руку. Сквозь лес
щупалец появилось шесть суставчатых
лап, которые также потянулись к нему.

Заметив когти, Квара вспомнил о
расколотых кусках пластили, ушедших
под воду.

Он вырвал болт-пистолет из хватки щупалец и выстрелил прямо в торгу существа. Снаряды полетели сквозь толщу воды, оставляя за собой пузырьки.

Одним мощным движением левиафан ушел от них, избежав попадания с гибким проворством. Пока он уворачивался, Квара отсек щупальца, которые все еще цеплялись за него, и оказался на свободе.

Кувыркаясь в тяжелых доспехах, он ушел вниз. Существо развернулось и ринулось следом, прокладывая путь сквозь густые водоросли, словно

колоссальный морской змей из фенрисийских тифов.

Квара пытался управлять погружением, но тщетно. Густая вода сдавливала его, а завихрения не давали выровняться. Разрушенный блок остался

далеко вверху, исчезнув из поля зрения. Даже с помощью линз шлема он не мог разглядеть в сумраке ничего, кроме зазубренной тени, которая

преследовала его.

Затем он достиг дна. Темная и неровная морская твердь поднялась ему навстречу. Гигантские скалы, острые, словно ножи мясника, многометровой

высоты, исчезали среди тумана водорослей. Квара выгнулся и лишь на палец увернулся от острой верхушки ближайшего сталагмита, при этом

столкнувшись с другим. Отлетев от него, Квара магнитно закрепил меч и вытянул освободившуюся руку. Его пальцы вцепились в выступающий край

другой скалистой колонны, и он крепко сжал камень. Его тело дернулось следом и со скрежетом врезалось в неподатливую скалу.

Он держался за сталагмит, стоя на узком выступе. Квара снова поднял болт-пистолет и выпустил еще одну очередь болтов.

Существо не отставало от него и показалось слишком близко, чтобы уйти от выстрелов в упор. Болты попали в

каменной гребень и разорвались чередой
глухих толчков под крепким панцирем.
Существо взревело и резко дернулось, обдав
Квару потоком воды.

Он заметил, как прямо на него несется
хвост. Квара оттолкнулся от края скалы,
и жало протчалось прямо над ним, безумно
хлеща во все стороны.

Существо опять направилось к нему,
вытянув лапы. Квара снова нажал курок, но
пистолет заклинило.

Изрыгнув проклятье, воин отбросил его и
схватился за меч. Его движения были
настолько быстрыми, насколько возможно
в густых зарослях

водорослей, и все же слишком медленными,
слишком неуклюжими. Щупальца
вцепились ему в руку, прижав ее к скале.

Затем появились новые

отростки, которые принялись обвиваться
вокруг его тела. Щупальца стали
сжиматься, и Квара почувствовал, как под
давлением протинается его

нагрудник.

К нему потянулася когтистая лапа, метая
прямо в голову. Квара сумел увернуться,
борясь со щупальцами. Когти врезались в
скалу, расколов ее и подняв
облако песка.

Квара почувствовал первую трещину в
доспехах еще до того, как затизали
предупредительные руны. Она пробежала
по спуску имен на правой стороне
нагрудника, расколов все надписи.

Затем существо снова бросилось на него,
целясь теперь в грудь. Квара оттолкнулся
от скалы и потянулся вверх. Вывернувшись
меч, он ударил по

окружающим его щупальцам, на несколько
секунд расчистив себе пространство для
действий. Лезвие вонзилось глубоко,
разрезав плоть и окрасив

воду темной кровью зверя, прежде чем
Квара снова начал погружаться вниз,
скользнув с отвесной скалы в облаке
поднятого песка.

Но зверь был куда быстрее, а бездна была
его родной стихией. Он метнулся следом,

двигаясь с неспешной плавностью. К нему потянулись когти, оставив на керамике ранца очередные вмятины. На дисплее линз полыхнули новые предупреждения.

Квара неуклюже перевернулся на спину и ударил мечом наотмашь по скребущимся когтям. Зверь резко убрал лапы от мерцающего клинка, но затем снова затахнулся. Когти стремительно опустились и вонзились в болтающуюся ногу Квары, словно штифты в дубленую кожу.

Квара скривился и убрал раненую ногу. Поножи треснули, оставив в воде облака крови. Клапаны на коленном сочленении автоматически перекрылись, и поножи стремительно набрали воду, когда от них отлетело несколько кусков керамики.

Существо подплыло ближе, черное на фоне темной воды. Кувыркаясь, ничего не видя, Квара падал на верхушку очередной скалы. Он ударился спиной

по торчащему камню, от чего выгнул спину и полетел в противоположном направлении. Затем Квара приложился

лицом об еще одну каменную стену, и поврежденный нагрудник треснул еще сильнее. Секунду Квара не видел ничего, кроме вспышек красного света. Воин слепо размахнулся, и меч угодил

в преследующие когти, из которых вырвался поток маслянисто-черной крови.

Ногати он встал на нечто твердое, и его падение резко прекратилось. В глазах, наконец, прояснилось, хотя он ощущал кровь, заполнившую шлем.

Трещины в доспехах пропускали воду, и она уже плескалась в пустотах между кожей и броней.

Он застрял в узком ущелье между двуглавыми скальными пиками. Разъяренный зверь бешено скребся о камни, разрывая их на куски, стремясь добраться до

него. Один глинный коготь пролез через дыру и начисто отрубил руку, в которой он сжимал меч.

Квара взревел от боли, беспомощно наблюдая, как меч уносит от него все дальше. Из раны струей забила кровь,

окрашивая воду.

Следом проник еще один коготь, потянувшись к его голове и плечам. Оглушенный болью, Квара смог только вытянуть оставшуюся руку. Перчатка сошлась на приближающихся когтях, а затем он вырвал их, используя тело в качестве рычага. На этот раз заболело существо, от него стала исходить пульсирующая дрожь.

К этому времени госпехи успели перекрыть рану. Кровь начала свертываться, в глазах прояснилось. Гигантское существо прекратило пытаться

дотянуться до него и взорвалось безумным, наполненным болью разрушением. Его хвост метался во все стороны, сокрушая хрупкие отроги вершин.

Еще один удар, и Квара будет лишен последней защиты. Он лишился руки, госпехи едва сдерживали напор воды, оружия также не осталось.

Квара достал с пояса пару крак-гранат и

активировал их. Он сжал их в здоровой руке и присел, готовясь к прыжку.

Его израненное тело грозило от чего-то, похожего на радость -- радость, которую испытывает мастер-мечник, встретившийся в бою с равным противником.

Существо его оценило. Это был достойный враг.

Я нашел его.

Очередной удар хвоста разрушил вершину, но обе стороны ущелья, вновь сделав Квару беззащитным перед гневом разъяренного существа. Пока

обломки разлетались во все стороны, он успел разглядеть взбешенную, окровавленную торгу, ринувшуюся прямо на него. Она была отвратительно

вытянутой, совершенно чуждой, лишенной всего, кроме звериной ненависти и первобытной жажды убивать.

Квара прыгнул, потянувшись к раскрытой пасти, и метнул гранаты. Зверь инстинктивно заглотнул их, попутно

оторвав Кваре руку у самого плеча.

Воин заорал от боли. У него потемнело в глазах, наполнившись болью и шоком. Он заметил, как из раны глиняным багровым потоком вытекает кровь, будто пятно разлившегося протекла. Когда его отнесли назад. Квара почувствовал, как в новые пробоины хлынула вода, разрывая поврежденную

броню, пока он падал в тень утеса.

Над ним нависла морда зверя, скалящаяся с чужеродной злобой, торжествующая и злорадная. Она приблизилось, окрашенные кровью зубы были

готовы прикончить его.

А затем взорвались гранаты.

Квару отбросило на скалу, когда двойной взрыв сотряс морское дно. Существо дернулось и вздвинулось от уничтоживших внутренности взрывов. Из

туповища вырвалась ударная волна, неся с собой куски плоти и панциря, которые разлетелись по бритвенно-острым скалам.

Клубящаяся масса

щупалец скрутилась, попытавшись
втянуться обратно под костяной гребень
существа, а затем внезапно обмякла. По
воде разнесся протяжный крик, пока зверь,
еще какое-то время корчащийся в
тщетной попытке выжить, наконец, не
затер.

Он дрейфовал на холодных темных
течениях, неподвижный и громадный, пока
не накренился набок, истекая кровью.

Квара наблюдал за происходящим,
медленно теряя сознание. Терзаемый
болью, чувствуя, как его охватывает
холодное оцепенение, он все еще
поражался размером зверя.

Мое убийство.

Голова Квары ударилась о скалу. Внутри
шлема потекла вода. Острая и слепящая
боль пульсировала по всему телу. Он
почувствовал легкость от

притока стимуляторов и адреналина.
Прежде чем они сделали свою работу и
унесли его в забвение Красной дремы, его
посетила последняя мысль --

Квара понял природу существа, которое
убил, и важность этого деяния. Голоса
больше не раздавались у него в голове, и он
перестал слышать их так, как раньше.
Смерть теперь казалась не такой уж
важной.

Наше убийство.

...

Рана на голове все не заживала. Ему
стало плохо, затем началось
головокружение, он то и дело валился на
палубу, пока греккар пересекал зилнее
море. Они смеялись над ним до тех пор,
пока однажды он не сумел подняться.

Квара смотрел на мир сквозь туман
смятения, тошноту и дрему. Море
разбегалось, с небес рвался ветер в сиянии
огня и дыма.

Он стал звать Тенге, смотря на
огромного человека среди ужасающего
рева. Его нигде не было. Вместо него
стоял великан, закованный в черную
металлическую кожу и маску волка.
Мантия из дубленой волчьей шкуры

развевалась на ветру, а в руках он держал
увенчанный черепом посох.

Я покойник. Это дух Моркаи.

Он почувствовал, как к нему тянутся
руки, человеческие руки. Его уложили на
носилки. Он узнал запах. Прейя Ейм,
женщина, стоявшая рядом с

комнатой для допросов. Где ее начальник,
человек по имени Оен? Тут были и другие,
одетые в климатические костюмы и
разговаривающие

вполголоса.

Это не в Заправду. Я не на Фенрисе.

Дренкар качнуло, едва не сбросив его в
море. С трудом подняв голову, он увидел
грожащие очертания огромного
металлического ларца в небе. Он был

серый, словно облака, и висел над
кораблем, отрицая все законы тироздания.
Гигантские кольца из бронзы грохотали
от пламени, которое

пробивалось сквозь шторм, заставляя сам
воздух дрожать от жары.

Великан в черной металлической коже

махнул рукой, и из парящего ларца
выскочили другие закованные в металл
воины. Они были в снежно-серых
доспехах с выбитыми на них рунами, их
лица скрывались за шлемами. Воины
мягким шагом направились к Кваре,
невзирая на то, что корабль несло по
волнам.

Я убил краккена, а он убил меня. Теперь
они пришли забрать меня в Чертогу
Навших.

Квара почувствовал, как из шлема
вытекает вода. Вдалеке, словно он еще
находился под водой, гудели буры, с
помощью которых снимали уцелевшие
части доспехов. Но глазам больно резанул
ослепительный свет. Он услышал голоса,
говорящие с акцентом лизесского готика,
которые становились то

громче, то, наоборот, стихали. Перед ним
возник озабоченно нахмуренный человек.

Это Оен. Он все еще боится меня. Что он
здесь делает?

Они подняли его на парящий огненный

ларец. Боль в голове становилась все сильнее. Квара в последний раз посмотрел со своего места и сквозь

пелену крови увидел палубу. Затем, наконец, он заметил Тенге и остальных, сгрудившихся на дальнем конце корабля, которые смотрели на него, раскрыв рты.

Они боялись. Он никогда прежде чем увидел, чтобы кто-то из них боялся.

Гигантская дверь закрылась с гулким щелчком. Свет потускнел. Квара услышал скрежет подтаскиваемого медицинского оборудования.

Над ним кто-то склонился. Возможно, черная волчья маска. Возможно, человек по имени Оен.

Неважно. Они оба произнесли одно и то же.

- Ты не утрешь, воин.

...

- Ты не мог добраться быстрее?

- Трон, Прейя, у меня и других забот по горло.

- Он пугает всех до чертиков.

- Не сомневаюсь. Он уже ходит?

- Нет, пока даже не встает. Но он все еще фетовски страшный, прокуратор.

Оен старался идти как можно быстрее по коридорам медицинского отсека, не обращая внимания на нервные взгляды персонала. Ей шагала рядом с ним, напряженная и раздраженная.

- Что он сказал?

- Он требует свои успехи. Хочет знать, что мы сделали с его кораблем.

- И что ты ответила?

- Что он их получит, и мы к ним даже не приотрагивались.

- Хорошо.

Они дошли до палаты. Снаружи стояла пара часовых в штурмовой броне. Они отдали честь, после чего открыли бронированную металлическую дверь.

Сама по себе комната была достаточно просторной, но из-за пациента казалась тесной. Он лежал на спине, свесив гигантские конечности с усиленного

блока пластами, служившего ему в качестве кровати. По всему телу торчали

вьющиеся провода. Огня его рука была
отсечена прямо возле плеча, но
культю закрыли металлическим
колпаком.

Когда они вошли, Квара поднял голову.
Даже по прошествии столь долгого
времени его лицо все еще было опухшим от
синяков. Он посмотрел на Оена
и Ейм своими странными, сверкающими
золотыми глазами.

- Я пришел, как только смог, лорд,
поклонившись, произнес Оен.

Ейм встала сбоку, нервно закусив губу.

Костическому Волку потребовалось много
времени, чтобы заговорить. Его голос
утратил былую глубину и рык. Горло
Квары дрожало, а звуки, которые
он издавал, больше походили на слабый
шепот.

- Как долго? -- прохрипел он.

- Два стандартных месяца, - ответил Оен.

- Мне сказали, что вы находились в
состоянии вроде комы. Мы сделали все,
что в наших силах, поэтому рад

вас снова видетъ.

Квара остотрел прикрепленные к телу провода и недовольно заворчал.

Оен украдкой рассматривал его. Квара выглядел еще более диким, чем при первой встрече. Длинные волосы и борода костами свисали через край

кровати. Мощная грудь, покрытая шрамами и татуировками, тяжело вздымалась под тонким одеялом. Кое-где по коже пробивали металлические штыри, но хирурги даже не пытались их исследовать. Они до смерти боялись навредить ему, а чужеродная физиология Квары в равной степени пугала и

захватывала их. Насколько мог судить Оен по их докладам, костический десантник, по сути, излечился самостоятельно.

- Вы забрали существо? -- спросил Квара. Его глаза устало пересеклись с взглядом Оена. Даже несмотря на его состояние, прокуратор все равно не выдержал и отвел глаза.

- То, что от него осталось, лорд. Мы сохранили остатки.

- Голова?

- Я... что, простите?

- Вы сохранили голову?

- Да.

Квара откинулся на подушку. Его дыхание стало тяжелым и обрывистым.

Оен взглянул на Ейт, но та лишь пожалала плечами. Он понятия не имел, что сказать.

- Мои доспехи, - с трудом пробормотал Квара, словно боролся с дремой. -- Где они?

- Здесь, лорд, - сказала Ейт, указав на дальний угол комнаты. -- Мы перенесли их сюда, как вы и просили, в то время, когда вы спали.

Квара с усилием поднял голову и прищурился, словно смотрел сквозь густой туман. Доспехи висели на усиленной металлической стойке. Даже

слодкие детали команда инженеров установила с тем же почтением и страхом, что и хирурги.

В центре стойки висел нагрудник. Там, где поверхность раньше покрывали восемь строчек рун, теперь почти ничего не осталось. Череда мощных ударов целиком выгладила кератин, стерев серую краску. Погнутый нагрудник ярко сверкал в освещении медицинского отсека, элемент доспеха казался грубым, словно недавно откованная сталь.

- Улена, - прошептал Квара, пристально смотря на него.

- Прошу прощения?

Затем Костицкий Волк издал сухой, хриплый стешок. Это причинило ему боль, и он перевел взгляд с доспехов обратно на Квару.

- Подожди, стертный, - приказал он.

Оен с пересохшим горлом подошел ближе. Квара скривился, повернув голову, из-за чего между его растрескавшимися губами сверкнули клыки.

- Как вы нашли меня? - спросил он.

Оен тяжело сглотнул.

- Я ослушался вашего приказа, и за вами велось наблюдение. Но когда подоспели наши флаеры, вы уже разобрались с существом.

Квара кивнул.

- Должен добавить, - нерешительно сказал Оен, вспомнив, что чувствовал, когда из воды вытаскивали тело Квары, - нам жалко. Мы прибыли слишком

поздно. Но вы должны знать, что мы сделали все, что могли. Вы не были одни. Пусть мы не поспели за вами, но вы не были одни.

Квара улыбнулся. В отличие от слабой, трачной улыбки, с которой он прибыл на Лизес, эта оказалась естественной, почти человеческой.

- Не один, - задумчиво повторил он.

Оен снова сглотнул, не зная, что сказать. В комнате воцарилась неловкая тишина.

- Не думаю, что ты поймешь таких, как я, - наконец низким голосом произнес Квара. -- Не думаю, что ты поймешь, зачем я здесь и почему мне нужно

привезти голову зверя на Фенрис, как и того, что это будет значить для долга крови перед моей стаей.

На его звериных клыках сверкнула слюна.

- Их имена стерлись, и это облегчает страдания моей души. Но мы будем поминать их в сагах до тех пор, пока не забудут сами песни. А среди них, на почетном месте, будет и твое имя, человек. Понимай, как хочешь, но в галактике есть те, кто сочли бы подобное за честь.

Краем глаза Оен заметил, как Ейм вздернула брови и слегка пожала плечами. Он постарался придумать как можно более вежливый ответ.

Это оказалось нелегко. Из-за ходившей об Агентус Астартес славе, с их настоящей сущностью было тяжело стираться. Возможно, Космические Волки

были небольшим орденом, лишь чуть более необычным, чем другие. Возможно, те, кого он видел на молотвенных головах сверкающих кобальтовых

госпехах и окаймленных золотом
наплечниках смотрели на них, как на
странных или низших существ.

К тому времени как Оен, наконец,
подобрал подходящие слова, Квара
погрузился в глубокий сон, и говорить
стало незачем. Впрочем, Оен стиренно
поклонился.

- Очень щедро, лорд, - сказал он. -- Какая
хорошая традиция.

...

Он научился пользоваться новым телом в
глуши Асахейма, и оно подарило ему силу и
выносливость полубога. Даже без госпехов
он мог выдержать

обжигающий воздух Клыка, почти не
испытывая неудобства. Его изменили,
вытащили из собственного тела в царство
легенд.

Несмотря на это, при первой встрече с
ними язык показался ему распухшим и
бесполезным. Он никогда не славился
красноречием, а они успели узнать
друг друга так хорошо, словно смертные

братья. Ему понравилось, как они ведут себя друг с другом -- просто, обыденно, близко.

- Так нам прислали щенка, -- нахмурившись, сказал тот, кого звали Мьор, когда он с показной уверенностью вошел в зал с очагом.

Тот, кого все звали Лек, растеялся, водят кропкой секиры по точильному камню. Он остановил колесо и заправил выбившийся локон светлых волос за ухо.

- Видимо, так.

Вранк, Эрбак и Ранн прервали игру в кости и посмотрели на него. Вранк устало покачал головой и вернулся к прежнему занятию. Эрбак и Ранн обменялись понимающими улыбками, но промолчали.

- Утеешь пользоваться мечом, щенок? -- спросил Фрорл, подойдя к нему и утело взмахнув тренировочным клинком.

- Нет, конечно, -- фыркнул Свенссон, скептически наторщив перебитый нос. --

Его ведь только что достали изо льда.

Он почувствовал, как в нем просыпается гнев. После произошедших в крови изменений ему не составляло труда разозлиться. Рунический жрец

предупреждал его, но Кваре пока с трудом удавалось сдерживаться. Возможно, он никогда не научится контролировать себя.

Возможно, после того, как

ему показали царство богов и его место в нем, он не сумел бы преодолеть последнюю преграду.

- Он научится, - сказал большой воин, которого звали Беорт.

Он первым похлопал его по плечу. Его тяжелая перчатка опустилась, словно удар, и Квара пошатнулся.

- Ты научишься, да, щенок?

Квара заглянул в глаза Беорту и увидел в них спокойную, непоколебимую силу.

- Не зови меня щенком, - сказал он, не сводя с Беорта глаз.

- Да? -- тот казался развеселенным. -- А как ты хочешь называться?

- Братом.

Вранк фыркнүл, не отрываясь от изгры.

- Тебе придется постараться, чтобы ил
стать.

Ай Квара не смотрел на него. Он не сводил
взгляда с Беорта, чья рука еще лежала у
него на плече.

Могучий воин, казалось, хотел что-то
сказать, но решил промолчать. Он
взглянул на Квару, пылавшего юностью,
злостью и неуверенностью.

- Возможно, и станешь, - согласился он. --
Но пока тебе следует научиться
сражаться.

Беорт ухмыльнулся и достал клинок. Это
был короткий колющий меч с
заточенными кромками и вытравленными
на рукояти рунами.

- Давай покажу, - сказал он.

...